

ШОКИРУЮЩАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УДК 94(47+57-25)
ББК 63.3(2-2Москва)
Б94

В оформлении обложки использованы фотографии:
Архив РИА Новости;
© Варенов Александр Владимирович / Фотобанк Лори;
© Veronika Idiyat, FotosDo / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Бушков, Александр Александрович.
Б94 Тайны Старой Москвы / Александр Бушков. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Бушков. Шо-
кирующая история Российской империи).

ISBN 978-5-04-194609-8

Знаете ли вы, что в Москве XIX века были районы похоти и разврата наподобие известных европейских «красных фонарей»? На улице Грачевка и Сретенском бульваре, в Головином, Соболевом и Пильниковом переулках мужчин заманивали плотскими утехами публичные дома — так называемые «бардаки». Девицы с низкой социальной ответственностью искали клиентов на Петровском и Рождественском бульварах.

Но свернем в другие переулки и узнаем, что здесь знаменитый столичный кондитер Сиу выпустил новое печенье «Юбилейное» в честь 300-летия Дома Романовых — да-да, то самое, что до сих пор лежит на наших прилавках. А неподалеку, в ресторане «Эрмитаж», трудился московский повар Люсьен Оливье, знаменитый салат которого в представлении не нуждается...

УДК 94(47+57-25)
ББК 63.3(2-2Москва)

ISBN 978-5-04-194609-8

© Бушков А.А., 2024
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2024

От автора

Вот ей-богу, ну нисколечки я, коренной сибиряк, не претендую на статус столичного бытописателя, ведь есть уже и Михаил Загоскин, и Владимир Гиляровский, и Иван Кокорев, и Дмитрий Никифоров, и Михаил Пыляев, обойти которых мне точно не удастся. Но, написав несколько книг о Петербурге, было бы совершенным неуважением к москвичам оставить их город без внимания. Потом, я люблю Москву и часто бываю в Первопрестольной, каждый раз поражаясь тому, как быстро она растет и меняется. Да и в конце концов, писатель — вольный человек и имеет право писать о том, что заблагорассудится.

Итак, эта книга будет о Москве XIX века. Обо всем, что нам, сегодняшним россиянам, было бы любопытно узнать о том времени и о тех людях: о правилах, по которым они жили, об обычаях, которые соблюдали, и о делах, которыми запомнились. И о том, что было интересно именно

мне. Следуя закону писательской чести, я старался не затрагивать тем, исследованных моими уважаемыми предшественниками. Благо различных и не менее увлекательных сторон московской жизни предостаточно. Более того, некоторым из перечисленных знатоков Москвы, а именно — Загоскину и Гиляровскому, я даже предоставил слово, что, по моему глубочайшему убеждению, книге ничуть не навредило, наоборот — сделало ее ярче и интереснее.

Это как с красивой женщиной, имеющей с десяток воздыхателей, — все они любят и восхищаются ею, но каждый делает это по-своему: один заваливает ее дорогими подарками, второй пишет письма, полные пылких признаний, третий только вздыхает по ночам, не решаясь даже приблизиться к ней, но кому из них она ответит взаимностью, а кого не удостоит вниманием — пока неизвестно. И вот так, совсем по-женски, глядит наша столица снисходительно, с золоченых своих куполов и шпилей, гордая и неприступная, на нас всех, суесящихся где-то там, внизу, — мол, давайте, расскажите мне что-нибудь из моей жизни, а я с удовольствием послушаю. Итак — Москва, XIX век.

Глава 1

КРАХ БАНКА

Ничто не предвещало скандала вселенского масштаба. Вечером 11 октября 1875 года в кабинет прокурора московского окружного суда Петра Наркизовича Обнинского вошел прокурор палаты Николай Авксентьевич Манасеин в сопровождении молодого человека. Оба выглядели невероятно взволнованными. «Семи-миллионная растрата! — с порога крикнул Манасеин. — Выслушайте Алексева, составьте протокол, и затем вам тотчас же нужно будет отправиться в банк с судебным следователем по особо важным делам, а я пойду отправить телеграмму министру юстиции».

Молодой человек оказался Николаем Александровичем Алексевым, на тот момент солидным московским предпринимателем. Через полчаса все было более или менее ясно: Московский коммерческий ссудный банк, предвидя свое

крушение, в спешном порядке возвращает некоторым вкладчикам их деньги и ценные бумаги, параллельно по бросовой цене сбывая акции публике, не знающей, что покупает бумажки, на данный момент уже не имеющие никакой ценности. Алексеев был одним из вкладчиков банка и, что совершенно естественно, желал получить свои денежки обратно, поэтому требовал немедленно опечатать кассу банка и все имущество его членов, пока не поздно. Иначе по миру пойдут и вкладчики, и акционеры.

Шум поднялся нешуточный. Нужно было действовать без промедления. Все, что происходило дальше, в подробностях описал сам Обнинский: «Я с судебным следователем и целым отрядом полицейских (для охраны выходов) отправился в банк, где, по словам Алексеева, совет и правление в полном составе будут заседать во всю ночь. Подъехав к помещению банка на Никольской, мы нашли окна неосвещенными и двери запертыми. Долго стучался в них полицейский пристав, пока наконец одна половинка немного приотворилась и показался заспанный сторож с сальным огарком в бутылке и в накинутой поверх рубашки шинели.

— Что вам угодно? Никого нет.

— Отворяй, — крикнул ему пристав. — Это господин прокурор и судебный следователь.

Дверь моментально отворилась, и мы пошли за сторожем, который светил нам своим огарком. Прошли мы так длинную анфиладу погруженных во мрак пустынных зал и остановились перед запертою дверью.

— Отворяй! — повторил пристав, и сторож, помявшись немного, распахнул двери..

Никогда не забуду я внезапно открывшейся перед нами картины: громадная зала, посередине длинный стол, обставленный креслами, а на них — весь персонал банка, точно военный совет накануне сомнительной битвы, замышляющий вылазкой спасти себя и добычу. Пристав отрекомендовал меня и объяснил цель прибытия. Последовала немая сцена, подобная той, которой заканчивается бессмертная комедия Гоголя: все поднялись со своих мест и замерли в безмолвном испуге, предвещавшем победу обвинения.. Началось опечатание всех помещений банка, потом пошли допросы, аресты, обыски, осмотры — весь тот обычный финал, которым пользуется затем обвинитель, доказывая и проверяя вину на суде».

Наутро гудела вся Москва. К зданию Коммерческого ссудного банка ринулись вкладчики и акционеры. Кого здесь только не было: солидные предприниматели и чиновники, купцы и фабриканты, помещики и священники, барышни и солдаты и примерно столько же зевак. Людей собралось так много, что пробраться сквозь

толпу было практически невозможно. Если бы не полиция и конная жандармерия, они могли бы в считанные часы разнести здание банка. В какой-то момент толпа, прорвав полицейский кордон, ринулась в банк. Первым под огонь попал директор-распорядитель, которого рассвирепевшие вкладчики прижали к стене, требуя немедленно вернуть деньги. Вокруг творилось что-то невообразимое: «А кругом неистовый шум и гам, дикий, истерический хохот женщин, сдержанные рыдания, стоны и опять проклятия и проклятия. То там, то сям виднелись и иные жертвы Ваала, безмолвные и неподвижные: старушка, бессильно раскинувшаяся на стуле, с запрокинутой головой и опущенными веками; около нее суетилась заплаканная дочь; пузырек с каплями дрожит и прыгает в руке, и она никак не может попасть им в рюмку с водой; “севастопольский герой” на деревянной ноге и с медалями во всю грудь; он сидит, как изваяние, и тупо уставился в пол; старичок, деревенский священник, охватив заскорузлыми руками трясущуюся голову, присел на подоконнике; около него рассыпаны какие-то бумаги — вероятно, церковное некогда достояние; рядом с ним дама прислонилась лбом к стеклу, и плечи вздрагивают... А с улицы напирают новые и новые толпы...»

В России случился самый настоящий банковский кризис. По всей стране напуганные вклад-

чики ринулись в свои банки, пытаясь спасти сбережения. Ни в чем не повинный Русский банк внешней торговли потерял 200 тысяч рублей, а Волжско-Камский — 100 тысяч.

Что же произошло с одним из самых надежных банков России? В этом предстояло разобраться следствию.

Если кто-то думает, что к середине XIX века российская банковская система и вправду сравнялась с западной, придется его разочаровать. В сфере частных банков царил полный хаос. Извечная попытка адаптировать западные варианты к реалиям русской жизни в данном случае не сработала. Ну взяли мы у немцев устав коммерческих банков, переписали его как смогли, вроде бы даже прописали взаимоотношения между правлением, директорами и советом банка, но тем не менее, когда поднялся сыр-бор, стало ясно, что все это не работает. Кроме всего прочего, во второй половине XIX века в России наблюдался большой дефицит банковских кадров; банки плодились как грибы после дождя, а грамотных и надежных банкиров днем с огнем было не сыскать. Стали брать на работу обыкновенных бухгалтеров, но они с трудом понимали банковское дело, ограничиваясь записями банковских операций в соответствующие книги, поэтому бардак, в том числе и в Коммерческом ссудном банке, был основательным.

Чтобы иметь хоть какую-то гарантию, московские купцы поставили во главе банка человека, с их точки зрения, опытного в вопросах финансов, — управляющего городским ломбардом Даниила Данииловича Шумахера. А уже он рекомендовал назначить директором-распорядителем банка Григория Полянского, избранного гласным городской Думы.

Вообще-то они оба имели положительную репутацию, но тем не менее, как оказалось, тоже мало что понимали в банковском деле. Полянский почти не вникал в суть операций, а Шумахер — и рад бы, но уже не имел на это времени, поскольку его вскоре избрали московским городским головой. Тогда вкладчики радовались его высокому назначению — мол, оно добавило банку солидности.

Чтобы как-то справиться с создавшейся ситуацией, стали спешно искать грамотного специалиста по международным операциям. Но такие тоже на дороге не валялись, поэтому в конечном итоге отыскивали некоего Густава Ландау. Репутация у него была не очень, зато имелся солидный бухгалтерский опыт работы в различных финансовых учреждениях и даже — своя банкирская контора, прогоревшая, правда, но никто на это даже не обратил внимания. Совет банка утвердил Ландау директором по международным операциям.

Вникать в суть его деятельности нет смысла — тут черт ногу сломит, достаточно сказать, что свою сомнительную репутацию он не раз подтвердил. Стоило ему купить акции, как они резко падали в цене; стоило выдать солидный кредит, как получатель непременно оказывался мошенником, причем заядлым. А когда ему начинали задавать вопросы, Ландау отказывался говорить на каком-либо языке, кроме немецкого, которого никто больше не знал.

Несмотря на все эти махинации, члены совета банка скрывали сумму ущерба, которая — на минуточку! — достигла 200 тысяч рублей (при капитале банка в 3 миллиона), и подмахивали благоприятные годовые отчеты.

Понятное дело, что на допросах члены совета клялись и божились, что ничего не знали о проблемах банка. Мол, и так они, горемычные, имеют всего по 50 акций, а горбчатся на банки чуть ли не на общественных началах. При этом выяснилось, что акций они имели сотни, а то и тысячи. И в карман они себе клали банковскую денежку, не скромничая.

Более того — они выдавали ничем не обеспеченные огромные кредиты, естественно, не от излишнего человеколюбия.

По иронии судьбы, самый крупный кредит, выданный некоему господину Струсбергу, стал последним гвоздем в крышку гроба Московского

коммерческого ссудного банка. Поинтересуйся хоть кто-нибудь из 15 членов совета банка личностями получателей кредитов, может, и удалось бы избежать большой беды. Но увы.

Итак, вашему вниманию: Бетель Генри Струсберг — железнодорожный предприниматель и классический аферист. Родом из Восточной Пруссии, но всю жизнь странствовал по Европе в поисках быстрого способа разбогатеть. Работал корреспондентом и страховым агентом, за счет чего сколотил небольшой капиталец. В 1880-х годах почувствовал непреодолимую тягу к строительству железных дорог, и этого оказалось достаточно, чтобы построить эти самые дороги в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии, Румынии. И это при том, что денег у него не было! Зато идей по облапошиванию всех и вся — предостаточно. Схему по тем временам придумал весьма привлекательную. Для начала раздавал взятки всем нужным людям и чиновникам, за что получал подряды на строительство железных дорог, затем собирал деньги с заинтересованных в быстром обогащении вкладчиков, создавал акционерное общество и начинал штамповать акции, которые не только продавал, но и расплачивался ими с поставщиками и подрядчиками. Как говорится, все гениальное — просто!

Везде, где мелькала его фамилия, непременно случался крах — в Румынии, к примеру, рухнули

все предприятия, имевшие отношение к железным дорогам, но арестовали Струсберга только в Москве как раз в связи с делом о крушении Московского коммерческого банка. И приговорен судом к... (сколько, думаете, ему дали? десять? пятнадцать?) — не поверите! — к изгнанию из России. Это «железнодорожного короля», миллионера.

Но давайте по порядку. У Струсберга были собственные заводы, на которых производились подвижные составы для железных дорог, а правительство Российской империи как раз собиралось купить подобные составы за границей. Оставалось только подсуетиться, чтобы поставку вагонов для России доверили именно ему. Но вот только с «доверием» у прусского Остапа Бендера были серьезные проблемы: в Европе о его подмоченной репутации ходили легенды, но в России он был еще никому не известен. И тут ему невероятно повезло — он встретился с Ландау, и не только встретился, но и нашел к нему подход.

А тот, в свою очередь, познакомил его с директором-распорядителем Коммерческого ссудного банка неким господином Полянским.

Первый кредит он получил легко: заложил вагоны, даже не предоставив банку документов на них, благо их никто и не потребовал. Осмелев, Струсберг попросил еще денег и, к его